

ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Автором исследованы вопросы сущности, пределов и соотношения преюдиции и внутренне-го убеждения суда в современном уголовно-процессуальном праве.

Ключевые слова: преюдиция; объективная истина; установленные факты; внутренне убеждение; обстоятельства.

Под преюдицией в теории права понимается юридическое правило, согласно которому вступивший в законную силу приговор (решение) одного суда обязателен для другого, а потому исключается повторное рассмотрение одного и того же дела в целом или в части.

В уголовно-процессуальном праве считается, что «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле» (ст. 90 УПК РФ).

Уголовно-процессуальная деятельность как особый вид государственной деятельности не может осуществляться произвольно по собственному усмотрению и желанию ее субъектов. Для этого государство законодательно формулирует специальные правила, исходные положения, определяющие характер уголовно-процессуальной деятельности, её содержание и направленность. Таким специальным правилом и является преюдиция.

По мнению Е.Б. Таргабаевой, назначение преюдиции заключается не в оказании помощи суду в установлении объективной истины по делу, а в обеспечении законной силы решения, вынесенного прежде, иными словами, не в области познания, а в области организации четкости и определенности решений, вступивших в законную силу, обеспечивает неопровержимость, исключительность и исполнительность решения во взаимодействии с другими решениями, которые могут быть вынесены по спорам между теми же лицами (или с участием тех же лиц) [1, с. 58].

Действительно, преюдициальность является свойством законной силы судебного решения и характеризует его с внешней стороны во взаимодействии с другими решениями. При этом преследуются следующие цели: 1) соблюдение общеобязательности решений органов правосудия; 2) сохранение социальной ценности актов органов правосудия; 3) соблюдение авторитета органов правосудия; 4) соблюдение авторитета принимаемых органами правосудия решений; 5) соблюдение преемственности принимаемых органами правосудия решений; 6) ускорение процесса доказывания по уголовным делам.

Следует согласиться с Р. Искандеровым в том, что «преюдиция утверждает правовую и социальную ценность судебных решений, их непоколебимость и престиж» [2, с. 21].

В то же время это только одна сторона преюдиции. Второй ее стороной является содержание самого решения, в котором зафиксированы аргументированные доказательства преюдициально установленные (преюдициальные) факты, используемые в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по другому делу.

Преюдициальные факты принимаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. Это означает, что процесс доказывания таких фактов состоит только в их оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и, в совокупности с другими доказательствами, собранными по уголовному делу, достаточности для его разрешения. Относимость преюдициально установленных фактов означает наличие связи между ними и теми обстоятельствами, которые подлежат доказыванию по другому уголовному делу, где они используются. Для определения относимости доказательств необходимо подвергнуть анализу и нормы материального права, которые будут применяться при разрешении уго-

ловного дела. Преюдициально установленные факты могут доказывать обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Одни из них относятся к объективной стороне преступления, другие – к субъективной, третьи – и к той и к другой. Они могут устанавливать все элементы события преступления, виновность обвиняемого, мотивы содеянного, характер и размер вреда, причинённого преступлением, и т. д.

Допустимость преюдициально установленных фактов – это признак, который указывает, что данный факт получен из надлежащего источника уполномоченным на то субъектом доказывания. Так приговор, не вступивший в законную силу, не является преюдициальным. Соответственно и факты, установленные таким решением, преюдициальными не считаются.

Если предыдущее решение достоверно, т. е. правильно отражает объективную действительность, то и установленные на его основе преюдициальные факты достоверны.

Достаточность преюдициально установленных фактов определяется субъектом доказывания с точки зрения возможности на их основе сделать вывод о том, что обстоятельства, входящие в предмет доказывания, в необходимых пределах установлены.

Преюдициально установленные факты являются обстоятельствами, которые были установлены на основе каких-либо доказательств по другому, прежде разрешенному делу. Например, событие совершенного преступления ранее было доказано осмотром места происшествия, показаниями свидетелей, потерпевших, заключениями экспертов. Все эти доказательства уже прошли процессуальный порядок доказывания: сбор (обнаружение и закрепление), проверку и оценку. Выводы, сделанные на их основе, вошли в содержание приговора (решения), вступившего в законную силу.

Акты преюдиции (приговор либо иное вступившее в законную силу решение суда, принятое в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства) собираются, проверяются и оцениваются наряду с другими доказательствами, поскольку по видам доказательств относятся к иным документам.

Во вступившем в законную силу приговоре (решении) содержатся не только юридические факты, но и юридические выводы, которыми устанавливаются правоотношения.

На это в своё время обратил внимание М.Г. Авдюков. «При преюдиции правоотношений, – писал М.Г. Авдюков, – вступившее в законную силу решение обязательно для суда, рассматривающего другое дело, не только в части установления юридических фактов, но и в части вывода суда на основе этих фактов о правах и обязанностях сторон» [3, с. 164].

Если правоотношение уже было предметом исследования в каком-либо ином деле и нашло закрепление в приговоре (решении), вступившем в законную силу, то оно обязательно для суда, рассматривающего другое дело, связанное с предыдущим.

Обвиняемый (подсудимый, осужденный), потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, обладая определенными правами и обязанностями по одному уголовному делу, имеют их без изменения по другому делу в качестве преюдициально установленных.

Преюдициально установленные правоотношения освобождают участников доказывания от повторного признания лица потерпевшим или гражданским истцом, привлечения лица в качестве гражданского ответчика. Представителям указанных участников уголовного процесса не разъясняются вновь их права и обязанности.

В связи с этим в теории уголовного процесса обсуждается вопрос о пределах преюдиции. По мнению В.К. Бабаева, пределы действия преюдиции определяются пределами действия законной силы приговора или решения [4, с. 35]. Он поддерживал мнение Я.Л. Штутина о том, что «объективные пределы законной силы судебного решения ограничивают его действие предметом судебного решения. Этим предметом является правоотношение, по поводу которого вынесено судебное решение, и положенные в основание судебного решения юридические факты, индивидуализирующие правоотношения» [5, с. 170]. Субъективными пределами законной силы судебного решения В.К. Бабаев называет определенный круг лиц.

Объективные и субъективные пределы преюдиции также различает Г.М. Резник. К ее объективным пределам он относит круг фактов, установленных соответствующим процессуальным актом и не подлежащих в связи с этим доказыванию. По мнению этого автора, объективные пределы преюдиции, вытекающей из при-

говора, шире объективных пределов соответствующих актов гражданского судопроизводства. Субъективными пределами преюдиции Г.М. Резник также называет определенный круг лиц, на которых они распространяются [6, с. 10].

Нам представляется, что объективные пределы действия преюдиции ограничиваются кругом фактов, установленных соответствующими правоприменительными актами и не подлежащих в связи с этим доказыванию по уголовному делу, а также теми правоотношениями, по поводу которых вынесен данный правоприменительный акт.

Что касается понимания субъективных пределов действия преюдиции, то их нельзя ограничивать только кругом лиц, в отношении которых вынесены соответствующие акты. Действие преюдиции распространяется и на органы и должностных лиц, которые применяют данные акты на основе внутреннего убеждения, оценивают их значение для уголовного дела. Значит, пределы преюдиции также зависят от субъектов, использующих правоприменительные акты, имеющие преюдициальное значение. Последних можно подразделить на две группы: к первой из них будет относиться суд (судья); ко второй – прокурор, следователь, дознаватель.

Наиболее важным проблемным вопросом теории и практики использования преюдиции был и остается вопрос о соотношении преюдиции и внутреннего убеждения суда, прокурора, следователя, дознавателя, несмотря на последние изменения уголовно-процессуального закона, когда законодатель посчитал нужным разрешить спор в пользу правила преюдиции.

Внутреннее убеждение субъектов доказывания основано на принципе свободной оценки доказательств, закрепленном в ч. 2 ст. 17 УПК, – никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы. Никаких противоречий между преюдицией и презумпцией истинности приговора (решения) не возникало бы, если бы на практике не допускались следственные и судебные ошибки, которые необходимо устранять в целях установления объективной истины по делу.

По поводу разрешения таких противоречий в литературе всегда защищались в основном два подхода. Одни процессуалисты решали этот вопрос в пользу внутреннего убежде-

ния, другие – в пользу преюдициальной силы приговора.

Так Я.О. Мотовиловкер считал, что рассматриваемое противоречие не может быть решено в пользу преюдиции [7, с. 117]. По мнению, высказанному М.С. Строговичем, приговор первого суда является для второго не актом, имеющим силу закона, а официальным документом, удостоверяющим определенные факты, принимаемые судом как истинные без дальнейших доказательств только в том случае, когда они представляются бесспорными и не вызывающими сомнений в своей истинности. При сомнении в том или ином факте, установленном вступившим в законную силу приговором, при возражении против этого факта обвиняемого или иного участника процесса суд обязан данный факт исследовать по существу [8, с. 214].

На такой же научной позиции находится Р. Искандеров, по мнению которого, при появлении доказательств, опровергающих установленные ранее факты и выводы, суд вправе дать им новую оценку в соответствии с той совокупностью доказательств, которая имеется в его распоряжении, и вынести приговор по своему внутреннему убеждению.

Другие авторы считают, что в необходимых случаях судьи не только вправе, но и обязаны исследовать сведения, однажды отраженные в приговоре по другому делу, оценить их и привести в подтверждение обстоятельств, установленных преюдициально, дополнительные аргументы, вытекающие из всей совокупности материалов вновь рассматриваемого уголовного дела. Однако отсюда не следует, что законная сила судебного приговора не касается содержащихся в нем фактических констатаций. Суд может использовать материалы, отраженные в приговоре (определении, постановлении) по другому делу, но не вправе делать по ним выводы, противоречащие этому приговору. Эту научную позицию поддерживает З.З. Зинатуллин, который полагает, что при исследовании преюдициально установленных фактов органы следствия и суд «не могут входить в обсуждение доброкачественности соответствующего процессуального акта, в котором они констатированы, и делать новые выводы, противоречащие этому акту, пока последний не отменен в установленном законом порядке» [9, с. 74].

Решение законодателя не обращать внимание при рассмотрении и разрешении уголовного дела на сомнения суда в отношении преюдициально установленных фактов и применять исключительно правило преюдиции, на наш взгляд, является неверным. Оно демонстрирует отход от демократических принципов уголовного судопроизводства, в частности независимости судей. Отсутствие независимости судьи приводит к тому, что внутреннее убеждение формируется не в результате непосредственно познания объективной действительности в интересах правосудия, а формально, по искусственно созданным правилам. Рассматривая внутреннее убеждение как метод (способ) оценки доказательств, нужно отметить, что он имеет сложную многоуровневую систему и сложное содержание, в которых динамически воздействуют друг на друга объективные и субъективные факторы. Нарушение системы (в данном случае воздействие «чужого» внутреннего убеждения) чревато тем, что цель его использования будет искажена или не достигнута, объективная истина по уголовному делу останется неустановленной.

В то же время преюдициальная сила приговора или иного судебного решения по делу не может не сохраняться. В противном случае будет отсутствовать такое правовое явление, как судебная практика. Под судебной практикой понимается «единство судебной деятельности по осуществлению правосудия и опыта этой деятельности, объективированного в форме судебных решений, вступивших в законную силу» [10, с. 92]. Нередко в литературе судебная практика рассматривается как синоним судебной деятельности, нормативно-правовые положения, определения, правила, указания, которые обладают определенной степенью общепризнанности и обязательности. Судебная практика формируется и развивается не сама по себе. Она часть всей юридической практики, в тесной взаимосвязи и взаимодействии с ней. Судебная практика как порождение судебной власти своим функциональным назначением в конечном счете имеет общие задачи и назначение конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. А именно, как следует из ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

ст. 2 ГПК РФ и других соответствующих законов, - укрепление законности, конституционности и правопорядка; защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина; предупреждение правонарушений; формирование уважительного отношения к праву и суду; «защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» (ст. 6 УПК РФ).

При таких обстоятельствах для преодоления возможных противоречий между преюдициальной силой приговора либо иного вступившего в законную силу решения суда и внутренним убеждением лиц, производящих расследование и судебное разбирательство, необходима воля законодателя. Теоретически, рассматривая различные аспекты данной коллизии, в литературе вносились предложения по ее разрешению, в том числе и автором статьи [11, с. 301-305]. В основном они сводятся к процедуре отмены преюдициального акта в апелляционном, кассационном, надзорном порядке или в стадии возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств [12, с. 40].

Необходимо отметить, что законодатель последними нововведениями в отношении преюдиции придал одинаковую преюдициальную силу как приговору, так и решениям суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства. С точки зрения социальной ценности каждого судебного акта данное положение представляется логичным и правильным. В то же время в обществе растет значение юрисдикционных органов, компетенцию которых также составляет рассмотрение гражданских споров и уголовных дел, – третейский суд, коммерческий арбитраж, Европейский суд по правам человека, уставные суды субъектов РФ, иностранные суды и иностранные арбитражи, медиация и иные примирительные процедуры и т.п. Все это требует детального анализа и, возможно, расширения перечня юрисдикционных органов, установленные обстоятельства которых могли бы рассматриваться судами в качестве преюдициальных. Все это будет способствовать, на наш взгляд, развитию прежде всего всех вышеуказанных институтов и разгрузке самих судов.

Список использованной литературы:

1. Таргабаева Е. Б. Истинность, преюдициальность и законная сила судебного решения // Проблемы доказывания по уголовным делам: Межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 1988.
2. Искандеров Р. О преюдициальном значении приговора // Советская юстиция. – 1990. – №22.
3. Авдюков М.Г. Судебное решение. М., 1959.
4. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.
5. Штутин Я.Л. Предмет доказывания в гражданском процессе. М., 1963.
6. Резник Г.М. Внутреннее судебное убеждение и преюдиция // Советская юстиция. – 1971. – №7.
7. Мотовиловкер Я.О. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. М., 1956.
8. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.; Л., 1947.
9. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание: Учеб. пособ. Ижевск, 1993.
10. Соловьев В.Ю. Понятие судебной практики // Журнал российского права. 2003. №1.
11. Левченко О.В. Система средств доказывания по уголовным делам: Моногр./Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003.
12. Ячешкина О.Е. Внутреннее убеждение как основание свободы оценки доказательств в российском уголовном процессе: Монография. – Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2006.

Левченко Ольга Владимировна, зав. кафедрой криминалистики и информатизации правовой деятельности Оренбургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор 460048, г. Оренбург, пр-т Победы, 141, тел. (3532)754723, e-mail – Levchenko195@mail.ru

Levchenko O.V.

ISSUE PRECLUSION IN CRIMINAL PROCEDURE LAW

The authors investigated the questions of essence, framework and relation of issue preclusion and court moral certainty in criminal procedure law.

Keywords: issue preclusion, objective truth, established facts, moral certainty, circumstances.

Bibliography:

1. Targabaeva E.B. Truth, prejudicialness and legal force of court decision// Problems of proof in criminal cases: Collected articles. Krasnoyarsk, 1988.
2. Iskander R. About prejudicial sense of sentence // Soviet justice. - 1990. - №22.
3. Avd'ukov M.G. The court decision. M., 1959.
4. Babaev V.K. Presumptions in Soviet law. Gorky, 1974.
5. Shtutin Y.L. The subject of proof in civil proceedings. M., 1963.
6. Reznik G.M. Judge moral certainty and issue preclusion // Soviet justice. - 1971. - №7.
7. Motovilovker Y.O. Defendant evidence and explanations as a means of protection in the Soviet criminal procedure. 1956.
8. Strogovich M.S. The doctrine of the material truth in criminal procedure. Moscow, Leningrad, 1947.
9. Zinatullin Z.Z. Criminal procedure proof: Teaching aid. Izhevsk, 1993.
10. Soloviev V.Y. The concept of judicial practice // Journal of Russia's law. 2003. №1.
11. Levchenko O.V. The system of proof in criminal cases: monography / Astrakhan': Ed. AGTU, 2003.
12. Yatsishina O.E. Judge moral certainty as the basis of freedom evidence evaluation in Russia's Criminal Procedure: Monography. - Chelyabinsk: Ed. ООО «Polygraph-Master», 2006.